

Цыгане на Северо-Западе: вторая половина XVIII – начало XX в.*

В. Н. Шайдуров

На протяжении столетий Россия является многонациональным государством. Включение различных этносов и этнических групп в состав населения имело свою историю: одни входили в состав страны в результате присоединения новых территорий (восточно-европейские и бухарские евреи, татары, поляки, народы Кавказа и пр.), другие – вследствие межгосударственных миграционных процессов (немцы, корейцы, китайцы и пр.). Цыгане занимают особое положение, так как одни группы со второй половины XVIII в. оказались русскими подданными в результате разделов Речи Посполитой и присоединения Крыма, а другие уже во второй половине XIX в. переселились из европейских стран (кэлдэрары, ловари). Северо-Западный регион стал одним из центров цыганского мира России.

В данной статье дана общая характеристика разным группам цыган, проживавшим здесь в имперский период. Особое внимание уделено реакции цыган на предпринимаемые в их отношении мероприятия со стороны государства на разных исторических этапах, взаимоотношению с окружающим их миром (городскими мещанскими и крестьянскими обществами). Отдельно рассмотрена повседневная жизнь популярных в XIX – начале XX в. цыганских хоров в Санкт-Петербурге. Основой для рассмотрения перечисленных вопросов стали многочисленные источники из центральных и региональных архивов.

Ключевые слова: цыгане, Северо-Запад, Санкт-Петербург, цыганский хор, кочевой образ жизни.

Для цитирования: Шайдуров В. Н. Цыгане на Северо-Западе: вторая половина XVIII – начало XX в. // История повседневности. 2022. № 4. С. 10–29. DOI 10.35231/25422375_2022_4_10

Введение

Северо-Запад на протяжении нескольких столетий является своеобразным «плавильным котлом», в котором смешались разные национальности. Близость к Европе способствовала формированию немецкой, финской, шведской, польской общин, сыгравших важную роль в экономическом и социокультурном развитии Санкт-Петербурга и близлежащих регионов. Одновременно с этим в столице уже в XVIII в. начали свою историю армянская, татарская и иные общины, прочно занявшие свои «ниши».

Неотъемлемой частью историко-культурного ландшафта Северо-Запада с середины XVIII в. стали цыгане. Не являясь единой этнической общностью, они включали различные по своему происхождению группы. Будучи лично свободными, цыгане в XIX – начале XX в. были представлены двумя противоположными мирами: кочевым, который власти на протяжении почти ста лет (1770–1850) пытались гомогенизировать, и оседлым, который стал обязательным элементом культурной жизни столицы.

Современное российское цыгановедение развивается крайне неравномерно. На фоне активного изучения цыганского мира России с позиций филологии, лингвистики, этнологии, юриспруденции историческая составляющая представлена крайне слабо.

Следует отметить, что изучение исторического прошлого цыганского сообщества в России идет традиционным путем. Немногочисленные исследователи занимаются анализом истории отдельных аспектов [1; 2], либо групп цыган [3; 4]. В то же время практически не изученными остаются цыганские сообщества с точки зрения региональной истории [5; 6].

Особенностью современной историографии является первоначальное накопление материала об отдельных сюжетах исторического прошлого цыган в России. Вышедшие коллективные монографии лишь подтверждают этот тезис [7; 8].

Некоторые аспекты исторического прошлого цыган Северо-Запада нашли свое отражение в работах публицистического характера. Так, достаточно пространные сведения о цыганских хорах в столице в середине XIX в. приведены в работе М. И. Пыляева «Старый Петербург», выдержавшей несколько

изданий [9]. Уникальные сведения о цыганских выступлениях в ресторане на даче «Самарканд» привел в своей публикации на страницах журнала «Столица и усадьбы» петербургский бытописатель под псевдонимом Дон Жуир [10]. Отдельные упоминания о цыганах, связанных с культурной жизнью столицы, можно встретить в некоторых современных научных статьях [11].

В целом история цыган на Северо-Западе является своего рода *tabula rasa*, которая требует глубокого изучения. В данной статье анализируется положение цыган в Северо-Западном регионе во второй половине XVIII – начале XX в.

Имперский период истории России характеризуется многообразием исторических источников, которые можно привлечь при изучении той или иной темы. История цыганского сообщества в России имеет свою специфику: сами цыгане не оставили письменных источников применительно к XVIII – началу XX в. Причиной тому была неграмотность и отсутствие письменности. Поэтому мы можем опираться в первую очередь на корпус так называемых «внешних» источников, которые были созданы вне цыганского мира.

Опубликованные источники представлены преимущественно нормативно-правовыми актами, в которых законодатель заявил собственную позицию применительно к цыганскому населению империи. Эти манифесты и указы носили регламентирующий характер и определяли принципы проживания цыган в России. Общий анализ законодательных актов второй половины XVIII – первой половины XIX в. позволяет нам говорить об отсутствии в государственной политике антицыганских мотивов и в целом согласиться с высказыванием одного из видных правоведов России 1820-х гг. И. Даниловичем¹: «Законодательство российское будет навсегда знаменито тем, что никогда не угнетало цыган преследованием, но с самого начала стремилось к соделанию их полезными государству гражданами» [12, с. 186].

Важную часть корпуса исторических источников составили неопубликованные документы, хранящиеся в фондах

¹Данилович Игнатий (польск. Ignacy Daniłowicz) (1788–1843), правовед, историк, профессор Виленского (1822–1824), Харьковского (1825–1830), Московского (1839–1842) университетов, профессор и декан юридического факультета Императорского университета Св. Владимира в Киеве (1835–1839), один из первых исследователей памятников законодательства и летописания Великого княжества Литовского.

центральных и региональных архивов. Так, нами были использованы материалы фондов дирекции императорских театров (ф. 497), Первого Сибирского комитета (ф. 1264), Департамента государственного хозяйства МВД (ф. 1285), Департамента полиции исполнительной МВД (ф. 1286) Российского государственного исторического архива. Богатый источниковый материал представлен в фондах канцелярии петроградского губернатора (ф. 253), новолодожского городничего (ф. 697), Петергофского уездного полицейского управления (ф. 960), Санкт-Петербургского нижнего надворного суда (ф. 1716), Ямбургского уездного суда (ф. 1727) Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Отдельные документы о цыганах Северо-Запада отложились в фонде западносибирского генерал-губернатора (ф. 3) исторического архива Омской области. Преимущественно из перечисленных архивохранилищ были извлечены делопроизводственные материалы. Поиск документов в центральных и региональных архивах позволил нам представить более рельефную картину исторического прошлого цыганского населения региона. Уникальным источником являются воспоминания Екатерины Александровны Сорокиной¹ под названием «Записки цыганской певицы», записанные и литературно обработанные Р. Волковыской, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Во время исследовательской работы нами были использованы различные общенаучные и специальные методы исторической науки (историко-сравнительный, историко-описательный, проблемно-хронологический и пр.).

Применение различных методов в совокупности с богатым корпусом исторических источников позволило достичь поставленную исследовательскую цель.

Результаты

Включение в состав России по итогам Ништадтского мирного договора новых территорий (Ингерманландии и др.) привело к некоторым изменениям в национальном составе

¹ Сорокина Екатерина Александровна (Катюша) (1898–1979) – цыганская певица, представительница династии хоровых цыган Санкт-Петербурга.

Северо-Запада. Новой этнической группой стали ингерманландские цыгане, которые в XVII в. были вытеснены шведскими властями на восточные окраины королевства. Их правовое положение было определено сенатским указом от 13 сентября 1733 г., согласно которому они были не только признаны «местными уроженцами», но и получили право разводиться лошадей и заниматься торгом. Об оседлом характере жизни свидетельствует их запись в подушный оклад по месту жительства [13].

В 1740–1750-х гг. на Северо-Западе стали появляться цыганские таборы, вышедшие с территории современной Белоруссии. Это явление можно объяснить рядом причин. С одной стороны, обострились отношения между польскими властями и цыганским миром Речи Посполитой, который с конца XVII в. пользовался определенной автономией и покровительством Радзивиллов. С другой стороны, Польша с конца XVII в. стала ареной частых военных конфликтов, как связанных с внутренними противоречиями, так и внешнеполитической борьбой в центрально-восточной Европе. Именно под воздействием этих и иных факторов начался «исход» цыган из района Гродно – Мира. Одним из направлений миграций белорусских цыган стали приграничные российские губернии. Это подтверждает и статистика. Например, в Смоленской губернии отмечается резкий рост числа цыган: если по данным IV ревизии (1782) числилось 55 цыган об. пола, то уже по V ревизии (1795) их было 248 [14, л. 117–118].

В Северо-Западный регион белорусские цыгане проникают через Псковскую губернию. Результатом стало формирование новой цыганской общности русских цыган (русска ромá) – псковских цыган (псковска ромá), которые проживают в современной Псковской области до настоящего времени и ведут преимущественно оседлый образ жизни. Из Псковской губернии они расселялись дальше. Так, в своем донесении в Правительствующий сенат от 17 июля 1803 г. вологодский гражданский губернатор А. А. Горяинов отмечал, что на территории губернии проживало 83 цыгана, переселившихся в свое время из Псковской губернии [14, л. 28].

Однако с конца 1750-х гг. цыганское население столкнулось с первыми запретительными мерами со стороны властей.

Императрица Елизавета Петровна проявляла нетерпимость не только к евреям, но и цыганам, запретив им не только проживать, но и появляться в столице и ее окрестностях [15]. Этот указ стал одним из первых шагов правительственных властей, направленных на борьбу с цыганским бродяжничеством.

Тем не менее уже в 1760-х гг. в Псковской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях встречались упоминания о цыганских таборах. Именно в это время широкое распространение получила практика записи цыган за местными помещиками в качестве дворовых. Достоверно известно, что подобным образом они были записаны за видным государственным деятелем царствования Екатерины Второй А. П. Мельгуновым [16], Санкт-Петербургским обер-полицмейстером, а впоследствии председателем Комитета министров П. В. Лопухиным [17], инженер-прапорщиком С. С. Чайковским [18].

Отношения оформлялись особым срочным двусторонним договором. Цыгане в данном случае не были наделены по договоренности с помещиком землей, не имели собственного хозяйства и проживали по выданным помещиком паспортам. И этим они отличались от прочих групп дворовых крестьян [19].

Надо сказать, это явление было крайне выгодно обеим сторонам. Цыгане получали от помещика столь необходимые для перемещения по империи паспорта. Их отсутствие в случае задержания полицией могло привести к тяжким последствиям, вплоть до ссылки в Сибирь как бродяг. За это они брали на себя обязательство «бездоимочно» и в срок уплачивать все подати и повинности [20]. Помещик же, записав дворовых за себя в подушный оклад, мог значительно улучшить свое материальное положение и повысить статус в обществе. Он становился своего рода предтечей гоголевского Петра Ивановича Чичикова.

На рубеже XVIII–XIX в. численность цыган в Северо-Западном регионе возросла за счет присоединения новых территорий и межрегиональных миграций. В первую очередь следует отметить увеличение числа ингерманландских цыган, часть которых проживала на территории Выборгской (Финляндской) губернии. На начало 1800-х гг. здесь числилось 82 цыга-

на [14, л. 6–7]. В Санкт-Петербургской губернии в это же время, по данным губернской казенной палаты, в Ямбургском уезде были учтены по ревизии 1795 г. 35 цыган м. п. [14, л. 34]. К сожалению, статистический учет разных групп цыганского населения в регионе несколько затруднен характером их жизни. Большая часть продолжала вести кочевой образ жизни, а потому не была учтена в проводимых ревизиях.

Неоднородность цыганского населения региона дополнялась пестротой социального состава. В условиях проводимой многолетней кампании по борьбе с цыганским бродяжничеством большинство вынуждено было приписаться к сельским и мещанским обществам, пополнив таким образом ряды государственных крестьян и мещан. Правда, это причисление зачастую оставалось на бумаге и носило исключительно формальный характер.

В качестве примера можно указать семью Юрия Юрьева из ямбургских цыган. По материалам Новолодожской градской думы видно, что она в 1828 г. была причислена к мещанскому обществу Новой Ладоги. Однако с момента причисления и до 1840 г. в городе она не объявилась. Не были доставлены в думу и посемейные ревизские сказки, например за 1833 г. (VIII ревизия) [21, л. 24 об.].

Подобная ситуация порождала негативное отношение к цыганам как в городах, так и в деревнях. Приписанные к местным обществам, последние включались в раскладку податей и повинностей. Однако их отсутствие приводило к тому, что на плечи однообщественников ложилась обязанность выплачивать дополнительные деньги. В редких случаях задержанные беспаспортные цыгане под караулом внутренней стражи отправлялись к месту приписки. Но общества отказывались их принимать. Местные власти в этой ситуации принимали решение о водворении «отказников» в казенные селения.

В то же время некоторые из состоятельных цыган предпочли записаться в гильдейское купечество уездных городов. На Северо-Западе, например, подобные случаи имели место в Гдове, Луге и других городах. Так, в 1796 г. на имя лужского городничего поступило прошение от цыгана Никифора Вербицкого, в котором последний заявил о своем желании «записаться в Лужское купечество» [22, л. 1]. Упрощенная про-

цедура причисления в гильдейское купечество того времени требовала «объявления по совести» определенного капитала. Для причисления к третьей гильдии Вербицкий объявил о наличии у него 2025 р., что было на 25 р. больше минимального порога [22, л. 1].

Запись в гильдейское купечество давала определенные преференции. Так, купец получал от общества паспорт, который давал ему возможность беспрепятственно разъезжать по всей губернии. Разумеется, с таким документом на руках цыгане нередко выезжали и за ее пределы. Очень часто этого требовали торговые дела.

Занимаясь преимущественно торговлей лошадьми, тот же Вербицкий выезжал в пограничные уезды Новгородской и Псковской губерний, где приобретал скот для дальнейшей перепродажи. Кроме того, в соответствии с действовавшим паспортным регламентом, в документ вписывались все члены семьи. Это давало возможность и им, как членам купеческой фамилии, перемещаться на большие расстояния.

Кочевой образ жизни цыган Северо-Запада в 1810–1820-е гг. нередко вызывал раздражение со стороны властей. Так, в 1819 г. император Александр I встретил близ Феофиловой пустыни в Новгородской губернии цыганский табор, вышедший из Херсонской губернии. Через генерал-адъютанта А. А. Аракчеева было дано указание цыган задержать и под конвоем препроводить к месту их водворения [24, л. 1 об.].

В 1824–1825 гг. в столичных присутственных местах решалась судьба цыган, приписанных в разряд казенных поселян Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. Причиной стало их бедственное положение. Как отмечалось в записке на имя Аракчеева, они «с давнего времени не платят податей и по совершенной бедности своей внести оных не в состоянии» [24, л. 3]. Их долг перед казной с момента их включения в податной расклад 1805 г. составлял 2103 р. 95 к.

Веда полуоседлый образ жизни, они не имели собственных домов и хозяйства. Традиционно в летний период цыгане занимались пасти скот, а зимой занимались меной лошадей. При водворении в казенных поселениях Санкт-Петербургской губернии им были выделены земельные наделы. Но цыгане отказались их принять, объясняя это в первую очередь отсут-

ствием средств для ведения хозяйства и неспособностью заниматься сельским хозяйством.

Санкт-Петербургский гражданский губернатор С. А. Щербинин оказался перед непростым выбором. В соответствии с положениями манифеста от 16 мая 1811 г. цыган мужского пола в возрасте от 19 до 50 лет следовало направить в рабочий дом для покрытия недоимок по казенным и земским платежам. Но в этом случае положение членов семей, оставшихся без кормильцев, оказалось бы катастрофическим. Исходя из этого, власти вынуждены были искать другие варианты решения проблемы.

Казалось, цыган можно было бы использовать в соответствии с их специфическими знаниями лошадей и приписать к одному из казенных конных заводов. Однако шталмейстер князь В. В. Долгоруков не поддержал эту инициативу. Причиной тому была нехватка земли для коннозаводских крестьян. Приписать же новых не было возможности.

Также не нашла одобрения в чиновной среде идея приписать цыганские семьи к казенным заведениям, находившимся в ведении Министерства финансов. Общая позиция ведомства под руководством министра Е. Ф. Канкринна сводилась к тому, что «приписка [к горным заводам – В. III.] людей сверх надобности и в особенности цыган, мало или совсем неспособных к мастерствам, нерадивых к хозяйству и почти всегда развратного поведения, не только не принесла бы никакой пользы заводам, но обременила бы напрасными на содержание и водворение их расходами» [24, л. 5].

Выходом из сложившейся ситуации виделось переселение цыган в Сибирь со сложением с них недоимки по подачам и предоставлении им казенной ссуды. При этом следует сделать важную оговорку: переселение за Урал не рассматривалось как ссылка, а на цыган не распространялись нормы недавно принятого устава о ссыльных (1822). Дальнейшее обсуждение судьбы ямбургских цыган шло в недрах бюрократической машины: Министерства внутренних дел и Сибирского комитета.

Именно управляющему министерством В. С. Ланскому принадлежала инициатива о «переселении их в Сибирь и прочному там водворению», изложенная графу Аракчееву

от 19 сентября 1824 г. [25, л. 6 об.]. Но окончательное решение о переселении и условиях водворения в Сибири были изложены в решении Сибирского комитета от 5 апреля 1826 г. Его основой стало мнение западносибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича, изложенное последним в донесении от 19 августа 1825 г.

В нем высказывалось крайне негативное отношение к цыганам, которое заключалось в следующем: «... присылаемые доселе цыгане, не смотря ни на какой надзор, домоводством и хлебопашеством не занимаются, поведения развратного; а побегам своими и бродяжничеством причиняют местному начальству большие неприятности» [24, л. 15]. На этом основании Сибирский комитет отказался признать цыган «полезными поселенцами» в Сибири и не поддержал позицию Ланского.

Министерство внутренних дел вынуждено было изыскивать иные возможности устройства цыганских семей. В 1826 г. Департамент полиции исполнительной заявил о необходимости оштрафовать селения, из которых цыгане вышли без паспортов, и об их причислении к Ямбургу или иному городу губернии [26, л. 1–1 об.]. К 1828 г., по данным Санкт-Петербургской казенной палаты, к столичному мещанскому обществу была приписана одна семья из пяти ревизских душ¹, к царско-сельскому – одна семья из трех душ, новолодожскому – одна семья из трех душ, шлиссельбургскому – одна семья из двух душ, ябургскому – одна семья из одной души, кронштадтскому – одна семья из двух душ, ораниенбаумскому – одна семья из одной души, и одно семейство из одной ревизской души было приписано к лужскому обществу [26, л. 32–32 об.].

Городским ратушам и старостам было предписано записать цыган в сословие ремесленников с предоставлением им освобождения от рекрутской повинности на шесть лет с года приписки. Разделение цыганских семей и водворение их в разных городах, по мнению полицейских властей, должно было положить конец бродяжничеству.

До 1840-х гг. цыганское население Северо-Запада представляется преимущественно люмпенизированным. Начавшиеся с 1770-х гг. мероприятия по гомогенизации цыган не увен-

¹Ревизская душа – душа мужского пола, единица ревизского (налогового) учета, входившая в состав податного сословия.

чались успехом. Репрессивные законы конца XVIII – начала XIX в., направленные на лишение цыган легитимных возможностей перемещаться по России, также не реализовывались на практике.

Отношение властей к цыганам в период царствования императора Николая I было противоречивым. С одной стороны, это отразилось в новой попытке покончить с цыганским бродяжничеством, а с другой – в некоторой степени покровительстве цыганам. Последнее проявилось, например, в популяризации цыганской культуры сначала в Москве, а затем и Санкт-Петербурге. Не последнюю роль в этом сыграла императрица Александра Федоровна, которой очень нравились цыганские песни.

С конца 1840-х гг. в столичных салонах как в городе, так и на пригородных дачах стали выступать цыганские хоры. Первоначально это были хоры московских цыган. Большой популярностью у столичной публики пользовались концерты хора под руководством Григория Соколова. Соколовский хор выступал как в Санкт-Петербургском благородном собрании, так и во дворцах столичной аристократии [27]. В 1850-е гг. частыми гостями северной столицы были хоры Ивана Васильева и Петра Соколова [9, с. 404].

Московские цыганские хоры пользовались огромной популярностью. Но и в Санкт-Петербурге в это время появились свои первые коллективы. Одним из них был упомянутый выше хор Григория Соколова. После его смерти хор возглавил бывший в нем же гитаристом и певцом Николай Шишкин, руководивший им до смерти в 1911 г. Как отмечали современники, в этом коллективе было много талантливых исполнителей. Каждый из них имел собственный репертуар и своих поклонников.

Вот как описывает коллектив М. И. Пыляев: «В его (Шишкина – В. Ш.) хоре пользовался громадным успехом тенор Дмитрий, прозванный цыганским Рубини¹. В женском персонале выделяется сестра Дмитрия, Ольга Андреевна, затем Маня по прозвищу “Цыпочка” и молодая певица “Леночка”, исполняющая необыкновенно своеобразно, с гибкими переливами молодого свежего голоса, очень грациозную по мелодии вен-

¹ Рубини Джованни Батиста (1794–1954) – итальянский оперный певец-тенор XIX в. В 1844 г. выступал в Санкт-Петербурге.

герку «Соцо Гриша» ... Сам Н. И. Шишкин известен также как виртуоз на гитаре» [9, с. 404].

В своих историко-культурных очерках о Санкт-Петербурге М. И. Пыляев оставил интересное высказывание о цыганах: «Цыгане, живущие в Москве и Петербурге, представляют отдельное, исключительное явление в цыганском мире, они давно уже приобрели себе место в гражданском обществе; это уже не бродяги, не отчужденные люди, неспособные понимать удобства оседлой жизни» [9, с. 397].

Во второй половине XIX – начале XX в. цыганский мир Северо-Запада разительно изменился. Это было обусловлено как внутривосточными мероприятиями (крестьянская реформа 1861 г., либерализация паспортной системы и пр.), так и внешнеполитическими событиями этого периода. В 1860–1870-х гг. в регионе были замечены первые таборы иностранных цыган (кэлдэраров и ловарей), которые вышли из Австро-Венгрии и через Краков и Привислинский край кочевали далее на восток [8, с. 74].

В это же время активизировались цыгане Закавказья. В конце XIX в. столичные полицейские приставы неоднократно задерживали уроженцев, например, Эриванской губернии. Так, в 1906 г. в Троицкой слободе Петергофского уезда было задержано несколько цыганских семей, уроженцев селения Гасану Эриванского уезда, общим количеством 14 чел. (Телла Шакусарова, Байрим Хатем с дочерьми Заниглафарой и Соной, Нарханема Ялиш, Имся Ялиш, Нянагеса Сульфинею с сыном Каринюм, Паяса Чембар с сыном Амедом и дочерью Айня, Асмара Ахмед с дочерью Зейнон, Смира Алас) [28, л. 7]. Как видим, импровизированный табор состоял из женщин с малолетними детьми, которые отправились в столичную губернию на заработки.

Именно кочевой образ жизни (отсутствие определенных занятий, постоянного жилья и средств к существованию) стал основанием для их задержания. Уже имея богатый опыт общения с кочующими цыганами, полицейское начальство приняло в течение двухнедельного разбирательства единственное возможное для того времени решение: «отправить с первым этапом в Эриванское полицейское управление для удостове-

рения личностей и водворения к обществу, к коему они приписаны» [28, л. 7].

Иностранные цыгане с 1860-х гг. стали неотъемлемой частью цыганского мира региона. На рубеже XIX–XX вв. полицейские власти, например Санкт-Петербургской губернии, регулярно задерживали и доставляли в участок цыган из числа подданных Австро-Венгрии, Дании, Сербии и иных европейских государств. Наибольшей популярностью у последних пользовались Царскосельский и Петергофские уезды губернии. В первую очередь привлекала состоятельная публика дачных поселков и усадеб.

Скарб кочующих цыган начала XX в. был крайне скудным. Но в то же время он состоял из вещей первой необходимости и был примерно одинаков для разных групп цыган (см. табл.).

Таблица

Опись имущества цыган, задержанных в разное время приставами Петергофского уездного полицейского управления [29, л. 7; 28, л. 18–18 об.]

Список вещей крестьянина Гатчинской волости Ильи Андреева Тиннуне	Опись имущества, принадлежащего цыганке, австрийской подданной Цезарии Андреевне Бурнанской	Опись имущества, принадлежащего датскому подданному Карлу Янсону
Лошадь вороной масти; 4-колесная на железном ходу телега; две подушки; четыре ватных одеяла; самовар; занавески красного цвета; два мешка с драными тряпками; две тарелки; трубка с серебряной оправой; один ящик с чайными чашками; четыре рваных пиджака; один мешок с рваными уздечками; один топор; один чугун;	Фургон с дышлом 4-колесный с упряжью на две лошади; две перины перовые; четыре подушки перовые; одно одеяло красное; один сундук соломенный с мелочью; одна бурка женская; один узелок со старыми вещами; один узел с 10 кусками в отрезках ситца разного размера; три теплые рубашки; шесть юбок; одна женская рубашка; один пиджак мужской теплый;	Лошадь мерин светло-вороной; телега без рессор на 4-колесном ходу, старая; перина полупуховая; серьги серебряные с камнями, брошь простая, два женских кольца; серьги серебряные без камней; брезент бумажный старый; чугун, жестяное маленькое ведерко, кофейник эмалированный, битый молочник, глиняная чашка, кухонный нож, два стакана и два блюдца; женская кофта старая;

Продолжение таблицы

<p>одна железная сковорода.</p>	<p>одна шуба мужская старая; три мешка с ветошью; посуда старая (шесть предметов); самовар никелированный; кошель с деньгами (75 р. 50 к.); сундук с вещами: шесть шелковых платков, две юбки, зеленая завесь, штаны военные, четыре полотенца, две мужских рубашки, двое мужских кальсон, одеяло, теплая рубашка, шелковый лиф и юбка, отрезок шелка, разливательная ложка, две чайные серебряные ложки с буквами «АМ», серебряная столовая ложка с буквами «АМ», серебряная ложка для соли, кошелек с пятью золотыми колечками и серебряной брошью с китайскими иероглифами</p>	<p>юбка женская старая; две мужские рубашки и кальсоны; полотенце, два обрывка красного ситца, рукавицы и варежки, женская грудная вставка; треножник железный для варки пицци; сбруя;</p>
---------------------------------	---	--

Представленное в описях имущество в некоторой степени отражает специфику повседневной жизни цыган из разных регионов Европы. Общим для всех был не только кочевой образ жизни, но и использование для этого единственного доступного на тот момент времени вида транспорта – гужевого. В повозке всегда было все необходимое для починки упряжи.

Цыгане быстро перенимали бытовые обычаи народов, рядом с которыми они жили. Для цыган России и Австро-Венгрии повседневным напитком стал чай, а традиционным предметом кухонной утвари – самовар. В то же время цыгане стран Северной Европы пристрастились к кофе, о чем свидетельствуют изъятые при задержании у Карла Янсона кофейник и молочник.

В некоторых случаях опись имущества задержанных позволяет сделать вывод о профессиональной деятельности цыган. Так, у сербского подданного цыгана Андрея Дмитриева среди прочего были найдены старое железо и кузнечный маленький мех, что не оставляет сомнений в его связи с обработкой металла [28, л. 19].

Судьба задержанных полицией цыган из числа иностранных подданных зачастую была однообразна. С момента доставления их приставом в полицейское управление они находились под арестом. Одной из наиболее сложных проблем, с которыми сталкивались и власти, и цыгане, был прокорм лошадей. Но они не имели большой ценности, а потому местные крестьяне с неохотой брали их на прокорм и содержание. Нередкими были случаи отказа, так как «содержание и прокормление означенных лошадей превышает их стоимость» [28, л. 23]. В таких случаях лошади продавались на местном аукционе.

Одновременно с этим в С.-Петербурге процветали цыганские хоры. Как отмечали современники, в столице цыгане проживали преимущественно на Черной Речке и в Новой Деревне [29, л. 5]. Именно в Новой Деревне располагалась дача с рестораном «Самарканд», где в течение многих лет выступал местный хор [11, с. 270]. По воспоминаниям Екатерины Сорокиной постоянных выступлений в ресторане не было. Чтобы услышать хор, нужно было заранее известить об этом дирижера, который являлся полномочным распорядителем художественного коллектива [29, л. 8].

В «Самарканде» цыган слушали и столичные кутилы, и «серьезная» публика. Один из петербургских журналистов, писавших под псевдонимом Дон Жуир, на страницах журнала «красивой жизни» «Столица и усадьбы» вспоминал, что во время одного из визитов известный купец прокутил с цыганами целое состояние [10, с. 17].

Но наибольшей популярностью столичной богемы в начале XX в. пользовались солисты. В это время произошла настоящая революция в вопросе цыганских выступлений. Если раньше цыганские коллективы выступали в салонах, а затем немногочисленных ресторанах типа «Самарканда», то теперь они вышли на подмостки концертных залов. По воспоминаниям Е. Сорокиной, «открыв новый вокальный жанр, широкая публика захотела поближе познакомиться с ним, слушать его не в ресторане и не в «Самарканде», куда не все могли пойти, а в привычной для многих любителей пения концертной обстановке» [29, л. 10].

К началу XX в. на Северо-Западе проживало немногим более 1,5 тыс. цыган, перешедших к оседлому образу жизни (ок. 10 %

от общего числа учтенных переписью населения 1897 г.) [30]. При этом доля столичного региона составляла лишь 1/3 от общего числа. Больше 1/3 (44 из 111) самозанятых цыган Санкт-Петербургской губернии традиционно были связаны с торговлей скотом. В Псковской губернии этот показатель был еще выше и составлял более 70 % [30]. Несмотря на все попытки правительства превратить из аграриев, сельским хозяйством было занято менее 1 % семей.

Начавшаяся Первая мировая война стала серьезным испытанием для цыган в России. В первый год войны все увеселительные мероприятия, в том числе концерты, были запрещены. Некоторые известные солистки, например Е. Сорокина, прервав концертную карьеру, работали волонтерами в солдатских госпиталях [29, л. 20]. Некоторое послабление было сделано в конце 1915 г. В столице вновь начали выступать цыганские артисты, перечисляя часть сборов на содержание госпиталей.

Затянувшееся военное противостояние негативно отразилось и на иностранных цыганах, оказавшихся в это время в России. Выходцы из Сербии, Австро-Венгрии и других стран, находившиеся в предвоенные годы в России, были отрезаны от родины и не имели возможности вернуться к родным.

Выводы

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Цыганское население Северо-Запада изначально отличалось неоднородностью. Во второй половине XVIII в. проживавшие на этой территории ингерманландские (финские) цыгане, которые вели преимущественно оседлый или полuosедлый образ жизни, были разбавлены цыганами, вышедшими с территории современной Беларуси и ставшими базисом при формировании новой общности – русских цыган.

В условиях, предпринятых властями в 1770–1820-х гг. попыток гомогенизировать цыган и покончить с бродяжничеством, они предпочли занять конформистскую позицию, записываясь в дворовые на основе срочных договоров за сильных мира сего либо формально становились купцами, мещанами, государственными крестьянами. При этом сохранялись все элементы традиционного кочевого образа жизни.

Во второй половине XIX в. цыганский мир Северо-Запада стал более пестрым. С одной стороны, в рамках внутрироссийских миграций сюда пришли таборы из Бессарабии, Закавказья, других регионов. С другой стороны, здесь стали появляться цыгане – выходцы из государств Центральной, Юго-Восточной и Северной Европы (Австро-Венгрия, Сербия, Дания и пр.), которые стали объектом пристального внимания со стороны полиции. Действуя в рамках закона, полицейские приставы доставляли их в участки для последующего выдворения за границы империи.

У подавляющего большинства цыган на протяжении столетий отсутствовал стабильный источник заработка. Мена лошадей для них носила, как правило, сезонный характер. Даже те немногочисленные цыгане, которые занимались обработкой металла, вели кочевой образ жизни и зависели от случайных заказов.

Полной противоположностью им с 1840-х гг. стали хоровые цыгане столицы. Проживая вместе с другими в Новой Деревне или на Черной Речке, они держались обособленно. Концертная деятельность для хористов, солистов, музыкантов стала профессией и относительно стабильным источником дохода.

Первая мировая война и разразившаяся Великая Русская революция 1917–1922 гг., сопровождавшаяся Гражданской войной и экономической разрухой, способствовали маргинализации цыганского сообщества. Многие из его представителей стали частью уголовного мира Советской России [31, с. 120].

Список литературы

1. Шкунов В. Н. Цыгане и торговля в Российской империи // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 10 (6-1). – С. 11–18.
2. Ларюшкин О. В. Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII – начале XIX в. // Российская история. – 2018. – № 4. – С. 121–127. DOI: 10.31857/S086956870000137-1.
3. Смирнова-Славинская М. В. Миграции цыганских групп и формирование цыганского населения Российской империи в XVII – начале XX в. // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 4. – С. 83–99. DOI: 10.31857/S086954150000408-8.
4. Chernykh A. V. The Kalderash Gypsies of Russia in industrial cooperation of the 1920s – 1930s. *Social Inclusion*. – 2020. – № 8(2) – С. 358–366. DOI: 10.17645/si.v8i2.2765
5. Sanarov V. I. The Siberian Gypsies // *Journal of the Gypsy Lore Society*. – 1970. – № 3, 49 (3-4). – С. 126–137.

6. Денисов Д. Н. Оренбургские цыгане в 60-е годы XVIII – начале XX веков // Цыгане в оренбургском социуме: материалы круглого стола, посвященного Международному дню цыган. Оренбург: Университет, 2013. С. 44–49.

7. Деметер Н. Г., Бессонов Н. В., Кутенков В. К. История цыган. Новый взгляд. Воронеж: Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая, 2000. 334 с.

8. Деметер Н. Г., Черных А. В. Цыгане. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2018. 614 с.

9. Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887. [4], 6, [2], 471, [4] с.

10. Дон Жуир. Как мы веселились (Из воспоминаний) // Столица и усадьбы. – 1915. – № 35. – С. 16–17.

11. Шкуропат С. Г. Рестораны в системе увеселительных заведений Санкт-Петербурга XIX – начала XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 210. – С. 267–274.

12. Данилович И. Историческое и этнографическое исследование о цыганах // Северный архив. – 1826. – Т. 20. – Ч. 6. – С. 184.

13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. Второе. Т. IX. 1832. № 6481.

14. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1285. Оп. 3. Д. 41.

15. ПСЗ. Собр. Второе. Т. XV. 1840. № 10981.

16. Шайдуров В. Н., Сапронова Н. А., Гончаров Ю. М., Новгородский Т. А. Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 2. – С. 60–72. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-2-60-72.

17. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 1716. Оп. 2. Д. 19.

18. Shaidurov V. Gypsies in the Russian Empire: Theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century // *Romanian Studies*. – 2018. – Vol. 28. – Is. 2. – С. 195–217. DOI: <https://doi.org/10.3828/rs.2018.8>

19. Черкашина О. Н. Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – № 19 (138). – Вып. 24. – С. 85.

20. ЦГИА СПб. Ф. 1727. Оп. 1. Д. 754.

21. ЦГИА СПб. Ф. 697. Оп. 1. Д. 489.

22. ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 94.

23. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1819 г. Д. 214.

24. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 496.

25. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 410.

26. ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 1. Д. 112.

27. РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 14818.

28. ЦГИА СПб. 960. Оп. 3. Д. 79.

29. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ). Ф. 717. Оп. 2. Д. 248.

30. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение самозанятого населения по 65 группам занятий и народностям [Электронный ресурс]. – URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru> (дата обращения: 13.04.2022).

31. Шайдуров В. Н., Сапронова Н. А. Цыганская преступность в России: история и современное состояние // Вопросы истории. – 2021. – № 10 (2). – С. 110–128. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi57

Gypsies in the North-West: the second half of the 18th – early 20th Century

Vladimir N. Shaidurov

Russia has been a multinational state for centuries. Inclusion of various ethnos and ethnic groups in the population had the history of their own, which was either the result of new territories annexation (Eastern European and Bukharan Jews, Tatars, the Poles, Caucasian peoples, etc.) or the consequence of the interstate migration processes (Germans, Koreans, Chinese, etc.). Gypsies are the centrepiece, as some groups became Russian nationals from the second half of the 18th century due to separation of the Polish-Lithuanian Commonwealth and annexation of the Crimea, while others moved from European countries (Caldarars, Lovari) in the second half of the 19th century already. The North-Western region become one of the centers of the Gypsy world of Russia. This article provides a general description of different groups of Gypsies, residing there during the imperial period. Particular attention is paid to the reaction of Gypsies to measures the state undertook against them at different historical stages, their relationship with the outside world (urban petty bourgeois and peasant societies). The daily life of the Roma choirs, popular in the 19th – early 20th centuries in St. Petersburg, is reviewed separately. Numerous sources deposited in central and regional archives became the blueprint for addressing these issues.

Key words: Gypsies, North-West, St. Petersburg, gypsy choir, nomadic lifestyle

For citation: Shaidurov, V. N. (2022). *Cygane na Severo-Zapade: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v. [Gypsies in the North-West: the second half of the 18th – early 20th Century]. Istorija povsednevnosti – History of everyday life. No. 4. Pp. 10–29. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_10*

References

1. Shkunov V. N. *Cygane i trgovlya v Rossijskoj imperii* [Gypsies and trade in the Russian Empire] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2010. № 10 (6–1). Pp. 11–18. (In Russ.)
2. Laryushkin O. V. *Moskovskie kupcy cyganskogo proiskhozhdeniya v konce XVIII – nachale XIX v.* [Moscow merchants of Gypsy origin in the late XVIII – early XIX century] // *Rossijskaya istoriya* [Russian History]. 2018. № 4. Pp. 121–127. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086956870000137-1
3. Smirnova-Seslavinskaya M. V. *Migracii cyganskih grupp i formirovanie cyganskogo naseleniya Rossijskoj imperii v XVII – nachale XX v.* [Migration of Gypsy groups and the formation of the Gypsy population of the Russian

- Empire in the XVII – early XX century // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2018. № 4. Pp. 83–99. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086954150000408-8
4. Chernykh A. V. The Kalderash Gypsies of Russia in industrial cooperation of the 1920s – 1930s. // *Social Inclusion*. 2020. № 8(2). Pp. 358–366. (In Russ.) DOI: 10.17645/si.v8i2.2765
5. Sanarov V. I. The Siberian Gypsies // *Journal of the Gypsy Lore Society*. 1970. № 3. 49 (3-4). Pp. 126–137. (In Russ.)
6. Denisov D. N. *Orenburgskie cygane v 60-e gody XVIII – nachale XX vekov*. [Orenburg Gypsies in the 60s of the XVIII – early XX centuries] // *Cygane u orenburgskom sociume. Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo Mezhdunarodnomu dnyu cygan*. [Gypsies in Orenburg society. Materials of the round table dedicated to the International Gypsy Day]. Orenburg: Universitet, 2013. Pp. 44–49. (In Russ.)
7. Demeter N. G., Bessonov N. V., Kutenkov V. K. *Istoriya cygan. Novyy vzglyad*. [The history of the Gypsies. A new look]. Voronezh: Institut etnologii i antropologii RAS imeni N. N. Mikluho-Maklaya, 2000. (In Russ.)
8. Demeter N. G., Chernyh A. V. *Cygane. (Seriya «Narody i kul'tury»)* [Gypsies. (Series "Peoples and Cultures")]. M.: Nauka, 2018. (In Russ.)
9. Pylaev M. I. *Staryy Peterburg* [Old Petersburg]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1887. (In Russ.)
10. Don Zhuir. *Kak my veselilis' (Iz vospominaniy)* [How we had fun (From memories)] // *Stolica i usad'by* [Capital and estates.]. 1915. № 35. Pp. 16–17. (In Russ.)
11. Shkuropat S. G. *Restorany v sisteme uveselitel'nykh zavedeniy Sankt-Peterburga XIX – nachala XX veka* [Restaurants in the system of entertainment establishments of St. Petersburg of the XIX – early XX century] // *Trudy Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Works of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2015. Vol. 210. Pp. 267–274. (In Russ.)
12. Danilovich I. *Istoricheskoe i etnograficheskoe issledovanie o cyganah* [Historical and ethnographic research on Gypsies] // *Severnyy arkhiv* [Northern Archive]. 1826. Vol. 20. Ch. 6. P. 184. (In Russ.)
13. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii (PSZ)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. Vtoroe. Vol. IX. 1832. № 6481. (In Russ.)
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskij arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 1285. Op. 3. D. 41.
15. *PSZ. Sobr. Vtoroe*. Vol. XV. 1840. № 10981.
16. Shajdurov V. N., Sapronova N. A., Goncharov YU. M., Novogrodskij T. A. *Cygane v Sibiri (konec XVIII v. – XX v.)* [Gypsies in Siberia (late XVIII century – XX century)] // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Journal of the Belarusian State University. History]. 2022. № 2. Pp. 60–72. (In Russ.) DOI: 10.33581/2520-6338-2022-2-60-72
17. *Central'nyy gosudarstvennyy istoricheskij arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (dalee – CGIA SPb). F. 1716. Op. 2. D. 19.
18. Shaidurov V. *Gypsies in the Russian Empire: Theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century* // *Romani Studies*. 2018. Vol. 28. Is. 2. Pp. 195–217. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.3828/rs.2018.8>
19. Cherkashina O. N. *Opredeleniye ponyatiya «dvorovyye lyudi» v pravovykh aktah i memuarnykh istochnikakh XIX v.* [Definition of the concept of "yard people" in legal acts and memoir sources of the XIX century] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science]. 2012. № 19 (138). V. 24. Pp. 85–89. (In Russ.)
20. CGIA SPb. F. 1727. Op. 1. D. 754.
21. CGIA SPb. F. 697. Op. 1. D. 489.
22. CGIA SPb. F. 881. Op. 1. D. 94.
23. RGIA. F. 1286. Op. 2. 1819 g. D. 214.
24. RGIA. F. 1264. Op. 1. D. 496.
25. *Istoricheskij arkhiv Omskoj oblasti* [Historical Archive of the Omsk region]. F. 3. Op. 1. D. 410.
26. CGIA SPb. F. 253. Op. 1. D. 112.
27. RGIA. F. 497. Op. 2. D. 14818.
28. CGIA SPb. 960. Op. 3. D. 79.
29. *Central'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (CGALI)* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg]. F. 717. Op. 2. D. 248.
30. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoy imperii 1897 g. Raspredeleniye samozanyatogo naseleniya po 65 gruppam zanyatij i narodnostyam* [Elektronnyy resurs] [The first general Population Census of the Russian Empire in 1897. Distribution of the self-employed population by 65 groups of occupations and nationalities]. – Available at: <http://stat1897.histcensus.asu.ru> (accessed 13 April 2022). (In Russ.)
31. Shaidurov V. N., Sapronova N. A. *Cyganskaya prestupnost' v Rossii: istoriya i sovremennoe sostoyaniye* [Gypsy crime in Russia: history and current state] // *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2021. № 10 (2). Pp. 110–28. (In Russ.) DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202110Staty157

Статья поступила в редакцию 11.08.2022;
Одобрена после рецензирования 27.09.2022;
Принята к публикации 12.10.2022.